

Антонова Елена Леонидовна

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Концептуальная реконструкция народной художественной культуры позволила автору выявить новые грани старых проблем, возникших при изучении фольклора как формы выражения традиционной народной культуры. Особое внимание автор уделяет рассмотрению "идеологических" потребностей и методологических возможностей их осмысления в переходные исторические периоды XIX в. и рубежа XX-XXI вв., ставших очевидными только с переходом к теоретико-культурологическому осмыслению народной художественной культуры.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/5.html](http://www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/5.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 27-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

УДК 10

**Культурология**

*Концептуальная реконструкция народной художественной культуры позволила автору выявить новые грани старых проблем, возникших при изучении фольклора как формы выражения традиционной народной культуры. Особое внимание автор уделяет рассмотрению «идеологических» потребностей и методологических возможностей их осмысления в переходные исторические периоды XIX в. и рубежа XX-XXI вв., ставших очевидными только с переходом к теоретико-культурологическому осмыслению народной художественной культуры.*

*Ключевые слова и фразы:* традиционная народная культура; фольклор; народная художественная культура; этнокультурное направление; этнонациональный дискурс; соотношение базовых категорий «народ – этнос», «народ – нация»; соотношение «этнокультурного – этносоциального» в русской культуре.

**Антонова Елена Леонидовна**, к. филос. н.

*Белгородский государственный институт искусств и культуры*

*E-pi-fan@yandex.ru*

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ<sup>©</sup>**

Интерес к традиционной народной культуре и художественной форме ее выражения – фольклору – в России как в XIX веке (время становления русской фольклористики), так и на рубеже XX-XXI вв. (время становления культурологии) был обусловлен, прежде всего, спецификой переходных процессов, отмеченных кризисом культурной идентичности: в первом случае кризис был вызван переживанием разрыва с историческим прошлым в связи с угасанием культуры общинного крестьянства – носителя традиционной народной культуры, в последнем – современными глобальными социокультурными трансформациями, игнорирующими исторически сложившуюся этнонациональную специфику культур. Но если в XIX в. в поисках содержания народности как залога сохранения культурно-исторической преемственности фольклор в частности и традиционное народное художественное творчество в целом начинают рассматриваться сквозь призму фольклористики, этнографии, языкознания и искусствоведения, то уже в XX и XXI вв. – в границах тех подходов, которые выработались в лоне русской классической исторической, лингвистической и искусствоведческой научных школ с привлечением семиотики и культурологии как «неклассики». Иными словами, обращение к традиционной народной культуре через «художественную» форму ее выражения было *«идеологически»* и *методологически* увязано с доминирующими в каждый конкретно-исторический период *потребностями* и *возможностями* (*эмпирический* («классический») и *теоретический* («неклассической») уровни) их рассмотрения, что обусловило на рубеже XX-XXI вв. *культурологический* – междисциплинарный – характер их осмысления. Именно культурологическое осмысление традиционной народной культуры в ходе концептуальной реконструкции народной художественной культуры как художественной формы ее «ретрансляции» порождает ряд актуальных теоретико-методологических проблем, обнаживших новые грани старых проблем.

Прежде всего, интерес вызывает тот факт, что при обращении к традиционной народной культуре<sup>1</sup> фольклористы XIX в. трактовали любой фольклорный материал как *«общенародный»*. И хоть собиравший фольклора дает объемный материал по *локальным* – региональным – *очагам* фольклорной культуры народа, собирательская работа была направлена не на выявление региональных форм фольклора, а на поиск и изучение фольклора в его традиционных формах.

Объективных причин для этого было как минимум две:

1) в XIX в., протекавшем «под знаком» европоцентризма с его «общечеловеческими» ценностями, все исследования в области фольклористики, этнографии, лингвистики, философии, искусствоведения, эстетики, так или иначе, сводились к выявлению *«общекультурных» универсалий*;

2) в таком подходе была значительная доля истины: *«региональный»* фольклор, бытовавший на *«микроуровне»* национальной культуры, был частью целого – «общенародного» традиционного фольклора, функционировавшего на *«макроуровне»* национальной культуры. Поэтому при ближайшем рассмотрении фольклор в целом и обрядовый фольклор в частности являлись реальным носителем не только *«общефольклорных явлений»* (см. миграционную и антропологическую школы фольклористики), но и *«общекультурных» тенденций*. (Только на рубеже XX-XXI вв. глобализационный вызов России инициирует *обратный процесс* – поиск уцелевших образцов аутентичного фольклора, имеющих *выраженную региональную*

© Антонова Е. Л., 2013

<sup>1</sup> Поскольку производство в России до начала XX столетия было преимущественно *аграрным*, а *крестьянство* – базовой для России сословной группой, то признание *«крестьянства»* не только основным, но и *единственным, исключительным носителем традиционной народной культуры*, а с ним и известная идеализация сельской жизни и самой культуры» адекватно отражали специфику социальной структуры русского общества всего дореволюционного периода [5, с. 16].

специфику.) По сути, смена методологии изучения фольклора обуславливает переход от общего (изучения фольклора как целого – фольклор как «общенародный» феномен) к частному (изучению аутентичных образцов регионального фольклора как части целого), вскрывший новые грани старых проблем.

С введением в научный оборот (рубеж 80-х – 90-х гг. XX в.) собирательного понятия «народная художественная культура», компонентом структуры которой выступает фольклор, начинается переход от эмпирического изучения к теоретико-культурологическому осмыслению народной художественной культуры и традиционной народной культуры как части и целого. Для их осмысления привлекается методология и терминология, выработанная преимущественно в западной *analytical philosophy*, философии культуры, социологии, *cultural history*, социальной и культурной антропологии. Поскольку при этом не учитывается, что традиции национальных наук имеют не только свои специфические особенности, но и не вполне совпадающие интересы (например, социально-культурная антропология – это на 90% этнография города, а не деревни, только с более широким проблемным полем и многообразием методологических школ и направлений), исследователи неизбежно сталкиваются с рядом методологических проблем. Сказанное позволяет понять, почему отечественное культурологическое сообщество, по примеру социологического<sup>1</sup>, вправе говорить о «методологической травме» культуролога, вытекающей из методологического и понятийного «анархизма», как об актуальной культурологической проблеме<sup>2</sup>. Особенно если речь идет об осмыслении феноменов, свойственных русской культуре. Сформированные на ином историческом и социокультурном материале категории большинства западных социально-гуманитарных наук, заимствованных культурологией, далеко не всегда адекватно отражают реалии русской культуры в ее духовном, социальном и цивилизационном аспектах<sup>3</sup>, отчего многие западные и отечественные исследователи ищут в истории и культуре России те отношения и структуры, которых не существовало, упуская из виду свойственные ей реалии и явления.

Так, при культурологическом («неклассическом») осмыслении феномена народной художественной культуры наряду с понятием «народ» широкое хождение получает понятие «этнос». Оба эти понятия используются «то как взаимозаменяемые, то как противоположные по смыслу» [1, с. 22], хотя в отечественной «классической» научной практике использовалось понятие «народ» в «разноуровневом» диапазоне: в широком смысле для обозначения всей «совокупной общности» населения страны, в узком – при обозначении таких этнокультурных общностей, как племя, народность, нация. Путаница в понятиях возникает вследствие того, что при изучении народной художественной культуры «неклассическое» этнокультурное направление, возникшее в конце 90-х гг. XX в. (в нем понятия «народ» и «этнос» выступают как рядоположенные), и этнонациональный дискурс (где понятия «народ» и «этнос» выступают как «разнонаправленные») «смешиваются». Здесь-то и возникает проблема их «совместимости»: этнокультурное направление и этнонациональный дискурс являются «выражением» разного (Россия – Запад) культурно-исторического и социально-культурного (деревня – город) опыта. Ведь если этнокультурное направление складывается вокруг концептуальной пары «народ – нация», положившей в XIX в. начало дискуссии славянофилов и западников о роли народа в национальной истории и месте народной культуры в культуре русской нации (как «старая» научно-методологическая проблема), то этнонациональный дискурс рождается в XX в. с появлением в западной гуманитаристике социально-культурной антропологии, где базовыми категориями выступают «этнос» и «нация». Вся проблематика последнего связана с изучением разнообразия мировых сообществ. Возникший при смешении этнокультурного направления с этнонациональным дискурсом «разнобой» в использовании понятий «народ», «этнос», «нация» (как «новая» методологическая проблема) с течением времени «не только не устраня[ет]ся, но продолжа[ет] возрастать по мере того, как некоторые этносы без достаточных оснований начинали претендовать на статус наций, а сами нации в странах Запада на рубеже XX-XXI вв. стали претерпевать настолько серьезные мутации, что стал вопрос об их размывании» [Там же].

Между тем в рамках этнонационального дискурса понятия «народ» и «этнос» рассматриваются не как «взаимозаменяемые или противоположные по смыслу», а как разнонаправленные понятия:

1) при описании крупных традиционных сообществ, выработавших свою государственность, используются понятия «народ» и «культура народа»;

2) при описании некрупных традиционных сообществ – народностей, которые «не выработали собственную государственность, ... живут на территории либо компактно, либо дисперсно, освоивших или не освоивших индустриальную культуру» [Там же, с. 23], используются понятия «этнос» и «культура этноса». (Однако поскольку в русской культуре культура «крупного традиционного сообщества», выработавшего

<sup>1</sup> Так, понятие «методологической травмы социолога» используется Г. Г. Татаровой для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности (см.: [9]).

<sup>2</sup> Методологическое «поле» культурологии не должно быть бесконечно раздробленным. В условиях начавшегося отхода от методологического и понятийного плюрализма в науке в целом речь должна идти об интеграции, которая в культурологии так же, как в философии и социологии, должна быть основана как минимум 1) на «построении» языка культурологического исследования как целостной системы, 2) на взаимообусловленности и взаимоопределенности методов исследования, 3) на экспликации базовых понятий и 4) на методическом симбиозе.

<sup>3</sup> В основании русской культуры и цивилизации лежала, не городская, как в «урбанистической» Европе, а «деревенская» культура, получившая статус «традиционной народной культуры».

*свою государственность*, в период становления *нации как культурно-исторической общности* «трансформируется» из *этнической* в *национальную*, то при изучении *традиционной народной культуры* как культуuroобразующего феномена в центре внимания оказывается не культура этноса, которая может включать в себя как сугубо этнические элементы, так и элементы, заимствованные в ходе его исторического развития, а *этническая культура*.)

Следуя логике «этнонационального» дискурса, включенного в «этнокультурный» контекст, понятие «народ» должно использоваться, когда речь идет о «титულных этносах», выработавших свою государственность и ставших на этапе формирования национальных культур «титулными народами», давшими название нации. В этой связи показательно, что:

– в *западной цивилизации* этносы, не выработавшие собственную государственность, вместе с «титулными народами» образуют *нации*, которые представляют собой *социально-политические общности*. Поэтому, в отличие от России, на Западе речь идет не о национальной культуре, а о *культуре нации*. Такая постановка проблемы объясняет, почему современному западному обществу имманентно присущ *«мультикультурализм»* и вытекающая из него *«мультиидентичность»*<sup>1</sup>, осмысление которых как специфических феноменов начинается лишь в 60-х гг. XX в. С этого момента «в (западном – Е. А.) мультикультурном обществе, *«мультикультурализм»*» превращается в «хронологически и географически локализуем[ую] форм[у] публичного говорения и письма по поводу *современного общества*, опирающ[его]ся на понятие *«культура» как средство дифференциации общества»* [6, с. 103];

– в *русской культуре*, где *«культура»* традиционно выступала *как «собира[тельное] начал[о]»* [8, с. 44], некрупные этносы, не выработавшие собственную государственность, вместе с «титулным» – славянским – этносом, образуют *суперэтнос*. Как результат, на уровне общественного сознания формируется *такой специфический феномен*, как *«общекультурная» и «историческая» идентичность*<sup>2</sup>, практически сводившая конфликты на этнической, межнациональной и религиозной почве к минимуму, в то время как на «мультикультурном» Западе идентичность выступает как искусственный конструкт под названием «национальная идентичность». А поскольку в реальной истории России единственным «крупным традиционным сообществом», *мыслившим себя народом*, выступало крестьянство, то закономерно, что оно не только становится *«становым хребтом русской нации»* [2, с. 537] *как культурно-исторической общности*, но и его культура – как традиционная народная – ложится в основание *национальной культуры*.

В этом контексте, *определение «модели» русской нации* является не менее актуальной теоретико-методологической проблемой. В настоящий момент насчитывается четыре концептуальные модели формирования нации [4, с. 22-23], которые отражают «эволюцию» понимания последней как общекультурной категории:

– *расово-антропологическая* концептуальная модель «характеризует нацию мнимой или фактической общностью происхождения»;

– *этатистская* («etat» (франц.) – государство) концептуальная модель основана на *отождествлении нации с гражданской общностью, представленной государством*. В этой модели нация выступает как *социально-политическая общность*;

– *этнокультурная* концептуальная модель исходит из понимания нации как культурно-исторической общности. В обосновании этнокультурной модели нации лежат идеи немецкой классической философии об общем национальном характере и духовном единстве народа, который в *период раздробленности* объединяется на основе *этничности*, а в *период централизации* – на основе *национальности*. Эта модель нации актуальна и для России. Однако в послепетровский период – когда либеральный слой русской элиты *начинает воспринимать «свое», как «чужое», а «чужое», как «свое»,* – намечается тенденция к изменению «модели» русской нации;

– современная *этносоциальная* концептуальная модель нации мыслится как своеобразный синтез вышеприведенных моделей. Согласно ей, нация представляет собой «многосвязное явление, неразделимую совокупность антропологического, политического и этнокультурного начал в их произвольных комбинациях» [Там же]. По мнению ее идеологов, такая модель должна снизить риск углубляющегося разобщения и даже распада западного мультикультурного общества, основывающегося на принципах «мультиидентичности».

В современной реформируемой России под влиянием идей мультикультурализма, вызревших в рамках западного культурно-исторического опыта<sup>3</sup>, наблюдается *резкий переход* от *этнокультурной* модели нации к *этатистской*, выразившийся, в том числе, в *смене «понятийного аппарата» политического «дискурса»*: понятия «российская культура», «российская нация» пришли на смену понятиям «русская культура»,

<sup>1</sup> Если верить С. Хантингтону, то сегодня в одних только США насчитываются как минимум пять типов идентичности (см.: [11]).

<sup>2</sup> В эпоху нынешних социокультурных трансформаций под воздействием идей мультикультурализма как «антиуниверсалистской политики культурных различий» в России наблюдается утрата «общекультурной идентичности», «отстраняющей» индивида от приобщения к общекультурным идеалам и ценностям и, как следствие, к отчуждению общества от национальной истории и культуры.

<sup>3</sup> Здесь следует учитывать, что западный «мультикультурализм» имеет этиологию, отличную от «российского»: Россия изначально формировалась как *многонациональное*, а не как мультикультурное – «плавильный котел» – государство. В этой связи, следует говорить о том, что внедрение «идей» мультикультурализма в российское общественное сознание выступает как процесс управляемый, получивший при поддержке «медиасредств» и других технологий «власти» *скрытую легитимацию* на движение к «мультикультурной» идентичности.

«русская цивилизация», «русская нация», имманентно связанным с понятиями «общность», «единство», «коллективизм», «народ» и «родина», что порождает в общественном сознании симптомы глубокой «культурной травмы» (П. Штомпка). Иначе и быть не может, поскольку для русской нации как культурно-исторической общности характерен *синтез 1) «этнокультурного»*, выраженного в мировоззренческих основаниях *деревенской культуры* как народной, в картине мира, вещно-знаковых комплексах исторически сложившегося культурного ландшафта и в представлении о взаимосвязи всего со всем как нравственно-этическом принципе смысложизненных ценностных ориентаций, и *2) «этносоциального»* как «*сродности разного и разновременного*» [3, с. 72] *в городской среде*, выступавших *неотъемлемым атрибутом русского национального бытия*, начиная с петровского периода. Но такую концептуальную модель нации можно было бы назвать «*этносоциокультурной*». Игнорирование сказанного не просто изменяет, а *искажает онтологические границы* осмысливаемых феноменов.

Следует особо учитывать, что от доминирования «*этнокультурного*» (народная культура) или «*этносоциального*» (городская культура) в переживающей трансформацию «российской нации», напрямую зависит исход перманентного противостояния двух взаимоисключающих тенденций – *сохранения и разрыва* с культурной преемственностью. При «этнокультурной» доминанте, формирующей четкое представление о «своем» и «чужом», на первый план выходят тенденции, направленные на сохранение национальной самобытности, а значит – «общекультурной» и исторической идентичности. При «этносоциальной» доминанте, когда «свое» воспринимается как «чужое», а «чужое» – как «свое», *преобладает тенденция разрыва с культурной преемственностью* – социокультурным основанием «общекультурной» и исторической идентичности. Этот факт объясняет, почему ценности, вокруг которых в периоды стабильности (преобладание *этнокультурного*) спланировалось большинство российского социума, в транзитивные периоды (преобладание *этносоциального*) утрачивают свою привлекательность, и общество сталкивается с состоянием «социальной аномии» (Э. Дюркгейм). Как реакция на утрату «общекультурной» и «исторической» идентичности, порождающую «раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, ... охватывающие ключевые компоненты культуры, – ценности, верования, нормы общества» [11, с. 14], «культурная травма» становится едва ли не главной причиной «*ментального расщепления общественного сознания* и, как следствие, «маргинализации» *всех страт* «российского» социума, включая новый «политический класс».

Результаты *концептуальной реконструкции* народной художественной культуры, «которая возможна только тогда, когда мы вплотную приближаемся в понимании к ситуации действия» [7, с. 175], показали, что в переходные периоды XIX века и рубежа XX-XXI вв., связанные с кризисом «общекультурной» и исторической идентичности, возникают разные «идеологические» потребности и методологические возможности осмысления фольклора как формы выражения традиционной народной культуры.

Новый взгляд на традиционную народную культуру и фольклор как художественную форму ее выражения дает понимание того, что переход от *эмпирического* («классическому») к *теоретическому* («неклассическому») уровню их осмысления, равно как и «понятийный анархизм» – как актуальная методологическая проблема – влечет за собой не только пересмотр прежних теоретических, но и появление новых понятийных построений [10, с. 146], изменяющих (и даже искажающих) онтологические границы осмысливаемых феноменов. В этом контексте рассмотрение соотношения базисных понятий «народ», «этнос», «нация», «этнокультурного» и «этносоциального» позволяет осмысливать традиционную народную культуру и фольклор не только в контексте «культурной преемственности» («классика»), но и рассматривать сквозь призму сохранения «общекультурной» и исторической идентичности («неклассика»).

#### Список литературы

1. Аванесова Г. А. Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарно-философской мысли Запада // Социально-гуманитарное знание. 2011. № 4. С. 20-38.
2. Бабинцев В. П., Ечин Н. М. Ценностный мир современного русского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. С. 537-555.
3. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983. 343 с.
4. Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. 144 с.
5. Рабинович М. Г. Город и традиционная культура // Советская этнография. 1980. № 4. С. 12-24.
6. Радтке Ф.-О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 103-115.
7. Савченко Л. А. Теоретические традиции в исследовании повседневности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. 1. С. 174-177.
8. Самохвалова Т. А. Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998. С. 43-46.
9. Татарова Г. Г. Интеграция методологического знания: миф или реальность? // Глобализация и социальные изменения в современной России: доклады всероссийского социологического конгресса. М., 2007. С. 80-98.
10. Философия науки / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2006. 731 с.
11. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 с.
12. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

**TOPICAL THEORETICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF FOLK ARTISTIC CULTURE UNDERSTANDING: ATTEMPT OF CONCEPTUAL RECONSTRUCTION**

**Antonova Elena Leonidovna**, Ph. D. in Philosophy  
*Belgorod State Institute of Culture and Arts*  
*E-pi-fan@yandex.ru*

The conceptual reconstruction of folk artistic culture allows the author revealing new aspects of old problems that arise during the study of folklore as a form of traditional folk culture expression. The author pays particular attention to the consideration of “ideological” needs and the methodological possibilities of their understanding during the transitional historical periods of the XIX<sup>th</sup> century and the turn of the XX<sup>th</sup>-XXI<sup>st</sup> centuries, which became apparent only with the transition to the theoretical-cultural understanding of folk artistic culture.

*Key words and phrases:* traditional folk culture; folklore; folk artistic culture; ethno-cultural direction; ethno-national discourse; correlation of basic categories “people – ethnic group”, “people – nation”; correlation of “ethno-cultural” and “ethno-social” in the Russian culture.

УДК 908

**Исторические науки и археология**

*В статье анализируется состояние земского аптечного дела в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Введение с 1 января 1864 г. Земского положения выдвинуло вопрос об открытии сети земских аптек с целью бесплатного отпуска лекарств населению. Основное внимание автор уделяет обеспечению лекарственными средствами населения Тамбовской губернии. Земские аптеки, в отличие от частных, были нацелены не на получение прибыли, а на снабжение неимущего населения лекарственной помощью.*

*Ключевые слова и фразы:* социальная история; фармация; история земства; лекарственная помощь.

**Баранова Елена Вячеславовна**, к.и.н.

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина*  
*gortransport@gmail.com*

**ЗЕМСКОЕ АПТЕЧНОЕ ДЕЛО В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

*Статья подготовлена при поддержке гранта «Аптечное дело в Тамбовской губернии (вторая половина XIX – нач. XX в.)», проект РГНФ № 13-11-68006 а (р).*

В современной России проблемным остается вопрос снабжения лекарствами населения в провинции. Поскольку продажа готовых лекарственных средств производится в большей степени для получения прибыли, нежели в целях заботы о здоровье населения, аптечные пункты доступны чаще всего в городах. Поэтому особое значение приобретает изучение опыта ведения аптечного дела в дореволюционной России и особенно периода его перехода в ведение земских органов самоуправления. Земские аптеки были первыми аптеками, открытыми в сельской местности. Они сделали лекарственную помощь доступной беднейшим слоям населения, оказали положительное влияние на российский фармацевтический рынок.

Современный этап изучения истории земской фармации связан с кардинальными изменениями в общественно-политической жизни страны в начале 1990-х годов. Заметно усилилась практическая значимость исследований земских учреждений [11], что было вызвано произошедшими изменениями всей политической системы российского государства, в том числе в организации самоуправления.

Существенный вклад в изучение земского движения внесла коллективная работа «Земское самоуправление в России (1864–1918)» [12], в которой отражен исторический опыт развития земского самоуправления в России, а также показана деятельность земств в области медицины. Интересны исследования, в которых авторы анализируют причины, повлиявшие на становление земской фармации и развитие здравоохранения страны в целом [16].

Проанализировав историографию земского движения в Тамбовской губернии, следует отметить, что монографий и крупных разработок по этой теме практически нет. В последнее время появились работы Е. Н. Щербаковой [23], С. В. Фурсовой [21], И. Н. Кирсанова [14], Д. В. Ралдугина [20], И. В. Двухжиловой [10] по отдельным вопросам жизнедеятельности тамбовского земства, однако они не носят всеобъемлющего характера и не систематизируют накопившиеся знания. В 2003 г. защищена диссертационная работа С. Ю. Истоминой